
Е. И. ЕГОРОВА, Н. В. КАЗАРИНОВА
Пермская художественная галерея

***Письма крепостного живописца
Александра Кирилловича Кривошекова
брату (1840–1847)***

Творчество крепостных художников Прикамья — одна из малоизученных страниц изобразительного искусства Урала, что объясняется трудностями его исследования. Долгое время произведения крепостных не собирались, не хранились, поэтому многие из дошедших до нас работ анонимны. Нередко известны имя художника, любопытнейшие факты его биографии, но неизвестны его работы (Медведников, Николай Попов, Афанасий Шайдуров). Пермские художественные центры Прикамья — Усолье, Орел, Ильинское, где в XVIII — первой половине XIX в. славились живописные мастерские, в которых обучали иконописцев и где работали известные крепостные мастера Иван Мельников, Иван Дошенников, Семен Юшков, уже давно потеряли свое былое значение. Потомки же живописцев часто не могут «похвастаться» ни работами, ни рукописями, ни даже устными преданиями о своих дедах и прадедах. Сведения о крепостных художниках рассеяны по архивам их владельцев — Строгановых, Лазаревых, Демидовых. Выявить и собрать их чрезвычайно сложно. Вот почему каждое найденное произведение крепостного мастера — большая удача. Не меньшую ценность представляют и находки рукописных материалов: дневников, писем, даже каких-либо косвенных свидетельств о жизни и работах того или иного забытого живописца.

В фондах Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея авторами данной статьи были обнаружены произведения крепостного живописца Строгановых Александра Кирилловича Кривошекова и письма, которые он отправлял из Петербурга во время своего обучения живописи на Урал, в Кудымкар, брату Якову Кирилловичу, тоже крепостному. Переписка представлена в фондах Коми-Пермяцкого музея не полностью. Она охватывает сравнительно небольшой отрезок времени — 1840—1848 гг.

Имя А. К. Кривошекова хорошо известно по «повелениям»

Строгановых. В расходных книгах по Иньвенскому округу за 1840-е годы перечисляются значительные суммы, затраченные владельцами на обучение крепостного А. К. Кривошекова в Петербурге. Из новой находки стали известны факты его биографии. А. К. Кривошеков родился в Кудымкаре, учился в Петербурге в 1840—1844 гг., какое-то время у профессора А. Г. Варнека. После окончания учебы расписывал церкви в пермских имениях Строгановых. Годы жизни художника пока установить не удалось.

Кроме того, письма строгановского крепостного, посланного в 1840-е годы с Урала в Петербург для обучения живописи, открывают сложный духовный мир крепостного художника. Они свидетельствуют о его живой, впечатлительной натуре, впитывающей систему преподавания его наставника профессора А. Г. Варнека, глубоко переживающей «встречу» с картинами великих мастеров во дворце Строгановых, наполненной горячей любовью и тоской по родным уральским местам и одновременно невеселыми думами о будущем («смотря в даль будущности, содрогаюсь»).

Вместе с тем они являются драгоценными бытовыми документами, позволяющими представить повседневную жизнь крепостного живописца, быт воспитанников Строгановской школы земледелия и горнозаводских наук в Петербурге, где он жил первые два года, а также быт в строгановских вотчинах Кудымкара, Очера, Билимбая.

Адресат Александра Кирилловича — брат Яков Кириллович Кривошеков, щедро одаренный природой человек: музыкален, любитель рисования (хотя специального художественного образования не имел и исполнял должность бухгалтера в Иньвенском правлении пермских имений Строгановых). Художественными склонностями Якова Кирилловича и определяется во многом содержание писем к нему младшего брата.

Тексты публикуемых писем приводятся не полностью. В них, как и во всех письмах того времени, много поклонов близким, расспросов об их здоровье, жизни, описаний праздников, развлечений. Публикуемые письма сохраняют авторский стиль, приводятся в современной орфографии и в хронологическом порядке.

«Июня 19 дня 1840 года. С.-Петербург

Любезнейший братец!

Яков Кириллович!

Приятнейшее письмо твое я получил 13 мая, за которое наичувствительнейше благодарю тебя. Ты не поверишь, с каким удовольствием читал я его и как был рад, что ты еще меня не забыл, милый братец!.. Сколько был я тогда наполнен чувством братской любви к тебе, сколько радости, сколько впечатлений возродилось во мне — воспоминаний и — бог зна-

ет, чем душа и сердце мое были наполнены тогда, кажется, я был в Кудымкаре, слышал звон колоколенный, возвещающий воскресение Христово, только никого не видал. Когда гуляю на Невском проспекте или Крестовом острове, или на Елагинском, часто вспоминаю тебя... Здесь очень весело. Впрочем, и правду надобно сказать, без родных и родителей очень скучно. Милый братец мой, не забывай меня, пожалуйста, я один здесь — каждый день вспоминаю всех вас — вас забыть здесь нельзя, один я чужой всем, чужды и мне все, хотя на час и забудешься, но приветливость других между собой заставит невольно вздохнуть... А на память вам, по обещанию моему, я посылаю своих трудов две картинки: одна под названием «Благословление при сговоре крест. свадьбы», начатая еще в Кудымкаре, а оконченная здесь, другая «Enfant Jesus», т. е. «Младенец Иисус Христос», рисованная в июне сего года под надзором учителя моего г. профес. Варнека и одобренная его превосходительством Александром Петровичем Куницыным¹. Прими их от меня в доказательство моей принадлежности к тебе... О себе я скажу, я слава богу здоров, занимаюсь своим предметом, живу в школе, у нас скоро начнутся каникулы, я буду гулять везде по островам, наслаждаться их видами, рисовать ландшафты и проч. Я тебе еще сообщу некоторые правила рисования самоважнейшие. Напр., рисовать с картинки голову. Сначала надобно легонько карандашиком обвести форму головы от руки, потом расположить все члены по местам, т. е. глаза и брови были на своих местах, нос, рот и уши, и все, что его на оригинале разместить верно; но когда будешь обводить форму головы, то рассматривай на оригинале углы поворотов, где они круто поворачивают, так чтобы сначала углами сделать общую форму головы, эти перпендикулярные и косвенные линии были бы ни дальше, ни короче и имели бы такое же направление, как и оригинальные; но всего чаще смотри на общее, т. е. беглым глазом всю оригинальную голову рассматривай и сравнивай со своею таким глазом, верно ли она похожа на оригинальную, а когда общая форма головы верна, то и все части верны будут, а по положению легоньких черт углами, образующими форму головы, начать вырисовывать все части тоненько, как они вогнуты, но вырисовывать наперед общую форму головы, а потом части и по окончании (вырисовывания) так назыв. контура начать тушевать. В первый раз от руки очень трудно нарисовать, но надобно приучать себя к этому, чем больше будешь заниматься рисованием, тем легче и вернее будет выходить. Вот и все правило рисования...»

Это письмо, открывающее найденную переписку и отличающееся почти детской непосредственностью восприятия, заслуживает внимания целым рядом фактов. Прокомментируем их по ходу письма. Первый приоткрывает страницу творческой биографии живописца — еще в Кудымкаре он обратился к бы-

товой теме, знакомой ему с детства («Благословение при сговоре крестьянской свадьбы»). К сожалению, упоминаемые в письмах «картинки» не сохранились. Другой позволяет предположить личное знакомство, беседы молодого крепостного художника с одним из образованнейших людей своего времени — Александром Петровичем Куницыным (1783—1841). В те годы в главной конторе Строгановых он «заведовал делами по Пермскому неразделенному имению»¹. А раньше — учитель А. С. Пушкина², один из лучших преподавателей нравственных и политических наук в Царскосельском лицее, «за вольнодумие» отстраненный от преподавания. Встречи с А. П. Куницыным не могли не оказать воздействия на формирование духовного мира художника. Следующий факт проливает свет на саму организацию учебы крепостного художника в столице Российской державы. С 1817 г. было возобновлено постановление, «в уставе Академии находящееся, чтобы никаким видом не принимали в число воспитанников ее крепостных людей, не имеющих от господ своих увольнений»³. Кривошеков мог быть определен, таким образом, к профессору А. Г. Варнеку только частным порядком. И наконец, последний по ходу письма факт — живое, «по горячим следам», изложение правил рисования, как они понимались его учителем — профессором А. Г. Варнеком. Как педагог, А. Г. Варнек стремился предоставить ученикам большую самостоятельность, свободу в трактовке натуры. Много времени уделял он «портретному мастерству», т. е. знанию приемов и методов работы над портретом. Он учил писать не «по представлению», как это делал Щукин, а непосредственно с натуры. Варнеком были составлены первые методические руководства.

Следующее письмо от 20 ноября 1840 г. отличается большей зрелостью суждений о жизни и об искусстве. Оно вносит дополнительный штрих в биографию художника. А. К. Кривошеков пишет, что выполнял рисунок с Лаокоона. Но рисованием с гипсов занимались в классах Общества поощрения художников, которые, по-видимому, и посещал А. К. Кривошеков. Целью общества, основанного в 1820 г., стала помощь в получении профессиональной подготовки художникам, «оказывающим дарование», в том числе и крепостным. В классах общества преподавали профессора Академии, среди которых состоял и А. Г. Варнек.

«...Я здоров, слава всевышнему творцу, занимаюсь рисованием с гипсовых голов. Из этих рисунков я подал Михаилу Петровичу в день его Ангела два рисунка: один с бюста графини нашей, другой с Лаокоона, он был рад и благодарил меня за этот маленький сюрприз.

Ты, братец, спрашиваешь моего совета о Коле⁴, ты хочешь учить его срисовыванию, я, пожалуй, непрочь от этого. Чело-

век через живопись больше познает себя, и душа его делается благородною; а все-таки надобно учить его наукам, потому что неученым живописцем плохо быть. Нарисовать и написать картинку значит то же, что сочинить историю великого человека»...

«Февраль 28 день 1841. С.-Петербург

Милый братец, как я доволен собою, что успел тебе доставить удовольствие моею работою, и буду впредь стараться доставлять тебе такое удовольствие, ежели Господь продлит мой век и пребывание здесь. На масленице, в четверток, т. е. 6 февр. поднес я свои труды Якову Алексеевичу⁵, достойному названия доброго начальника, три рисунка, один карандашом нарисованный, изображающий пророка Илью, второй красками акварельными, т. е. соковыми, копию с портрета князя Василия Сергеевича Голицина, и третий, тоже красками, изображающий какую-то принцессу французскую — работы Греза, французского художника, и Яков Алексеевич так был доволен моими трудами, что меня почтил и записал, которого числа поднесены ему; по приезде Я. А. попроси, чтобы он показал тебе мою работу, потому что знает, что ты занимаешься этим сам. Ныне я хочу делать для графини к пасхе что-нибудь, я еще и сам не знаю, что бы такое ей поднести — тоже акварельными красками, в первый раз еще хочу делать для нее акварелью. Масляными красками, может быть, начну писать летом нынешнего года.

Я очень сожалею, что у меня нет теперь ничего путного ни красками, ни карандашом сделанного — и поздравил бы вас со счастьем, улыбающимся всем, потому что у меня всего было три рисунка акварелью и те роздал, да и мне не жаль, ведь они перводелки, но уже после, братец, когда-нибудь зато пришло поинтереснее, а теперь извини меня, я кроме желания вам всем счастья и благополучия ничего не могу изъяснить. Да ведь ты, братец, просил меня объяснить о тактике моего учения и других обстоятельствах здешнего моего бытия и жития... У нас сегодня на ужин суп картофельный чудесный и еще с перловой крупой, крупинка за крупинкой бегают с дубинкой, а картофельки-то, право, и с верной пчелкой и не объявишь вакантного местечка, а размазня каша, куда ваши блины и пироги, такая масляная, и не отличишь, что она масляная льняным маслом или бы знать каким, кажется, что заморским...

Утром я встаю не ранее 5 часов и не позднее 7... иду в столовую, там требую хлеба черного хорошего, а в другой раз и горького, начинаю его складывать, водкою припивая, ломтиков шесть складу, и до обеда очень весело часы пройдут, но окончив этот фрыштык⁶, отправляюсь к моему профессору и там сажусь за работу, либо с бюста рисую, либо с эстампов в кни-

гу или же красками начинаю. Ежели я начинаю рисовать с бюста, то сажусь к нему не так близко, но чтобы мог видеть форму головы, чтобы вернее определить линии, но, определяя линии, должен в уме представлять горизонтальную линию и перпендикулярную, когда представишь, сравнивай с этими линиями те линии, которые очерчивают голову со стороны, как она отклоняется от перпендикулярной линии или же к ней наклоняется, и как опускаются или поднимаются те линии, которые представляют плоскость от горизонтальной, а за всем тем должен размерять глазами и расстояние, представляющее длину и ширину головы, так же и все члены ее, ежели верхние ресницы на самой середине длины, и обозначь их так, потом смотри, как длинен нос, какое окончание его имеет расстояние, если же на половине верхней ресницы до окончания подбородка, означать так; так же определяй расстояние и в неправильных лицах, но бюсты делаются всегда правильными и имеют пропорцию во всех частях; если же ты сидишь ниже головы, то верхняя часть головы сокращается, т. е. лоб, нос делаются короче, а нижняя часть бывает длиннее, смотря по понижению точки зрения. Когда ты захочешь нарисовать всю фигуру человека, то сравнивай тоже с линиями перпендикулярными и горизонтальными, но перпендикулярные линии впусти из какой-нибудь точки, находящейся в голове, взятой тобою по произволу для легчайшего означения членов средних и наонных; расстояние также и тут не упущай. Главное то, чтобы видеть общее и хорошо обозначить на бумаге в формальном виде, что ты рисуешь. После всего этого начинать тушевать карандашом или красками и осторожно и тут проверяй себя, в тушевке все ошибки можно видеть, и по возможности исправляй. Это объяснение кратко и почти непонятно, по времени я постараюсь изложить их подробнее сколько могу... Часов до двух прозанимаюсь и пойду в школу обедать... мне дают или щей или супу — что сварено, потом соус репный или картофельный или капустный, а там гречневую кашу, которую ешь торопясь, сейчас можно подавиться, а мы так еще в другой раз с хлебом поедем ее матушку, ежедневное наше дорогое блюдо. Пообедав, отправляюсь опять на занятие к моему профессору, позанимаюсь часика два-три или четыре, отправляюсь опять домой, ...берусь за учебные книги и опять продолжаю заниматься до ужина, а там время придет и час приспе, отправляюсь ужинать... Ужин бывает в 8 часов, а спать ложимся в 9 часов, но прежде чем разойдемся по спальням, бывает молитва и перекличка всем воспитанникам... Так, сударь, примером будучи сказать, сегодня надобно мне идти в контору к Александру Максимовичу с рисунками, т. е. показать, что я в продолжение месяца сделал, ибо я каждый месяц показываю ему свою работу, между тем и к Якову Алексеевичу надобно зайти, чтобы отдать ему письма эти самые, которые ты теперь в руках дер-

жишь. Для графини же я начал уже рисовать Иисуса Христа младенца сидящего вчера...»

Большой интерес представляет письмо от 16 августа 1842 г., в котором молодой художник описывает посещение Строгановской картинной галереи вместе с художником Я. Ф. Капковым (1816—1854), учеником Академии художеств и пенсионером Общества поощрения художников, страстно влюбленным в искусство и постоянно совершенствующим свое мастерство. Капков не мог не оказывать на крепостного художника влияния. Современники не раз отмечали, что композиция, рисунок и колорит его произведений в высшей степени замечательны, механизм живописи до крайности оригинальный и разнообразный.

«Авг. 16 1842 СПб.

Любезнейший мой братенька
Яков Кириллович!

Просто я не могу описать тебе мое восхищение, которое и по сей час не покидает меня, как вспомню про картины в доме ее сиятельства графини⁷. Залу эту устраивал знаменитый архитектор Воронихин, и мы уже договорились с Яковом Федоровичем, что как-нибудь через наших начальников поглядим эти замечательные произведения искусства. Я. Ф. достал в Академии разрешение как живописец, что надо бы ему осмотреть картины Рубенса, Бронзино, Рембрандта и прочих.

В прошлое воскресенье мы отправились через Якова Алексеевича и в конторе на разрешение нам поставили печать и вот мы вдвоем да еще графский камерный служитель хорошо походили по всему барскому дому. Теперь я постараюсь подробно описать все, что мы видели, но, любезный братец, разве можно это описать в подробности? Разве частичку. Коль глаза у нас разбежались, особенно в воронихинском зале. Перво-наперво, конечно, Рафаэль — женщина и мальчик, оба нагие, она вытирает свою ногу полотном; написано превосходно, однако. Я. Ф. говорил, что это не рафаэлевская работа. Тинторетто, портрет старика в темных тонах, выделяется лицо, седая борода, живо смотрит. Даже не веришь, что рука человека могла выписать жалкой кистью столь живые глаза. Профессор Варнек все говорит нам — ищите формы, ищите кости под кожей и под мясом; вот Рафаэль раскусил этот секрет, в телах этих нагих ты не найдешь ни одного позабытого мускула, все теньки играют, и мальчик только что не вздыхает. Рядом здесь же висели ландшафты и хотя они писаны изрядно, но мы с Капковым смотрели более на итальянских мастеров, потому что портретами теперь занимаемся, но впрочем, если пожелаешь знать о них, напишу тебе в следующем письме. Св. Людовик да Винчи написан хорошо, но глядит он не по-святому,

имеет нарядную одежду и правая рука засунута за пазуху, она совсем как живая; не понравились мне его мелкие кудерки, точно овчина. Яков Федорович говорил мне, что это французский король, прозванный святым. Богоматерь Перуджино очень хороша, я даже прослезился, потому что лицо это напомнило мне нашу покойную маменьку. Царство ей небесное; ты помнишь, как она всегда так грустно смотрела, а младенец зря толстый и лицо у него бессмысленное. Мы с Я. Ф. долго стояли перед Благовещением работы итальянского живописца Боттичелли.

Я. Ф. сам пишет «Благовещение» и потому всеми подобными картинами интересуется. Со всех боков заходил он к этой замечательной картине и в кулак на нее смотрел очень долго. По мне, так у Богоматери рот кривит маленько, зато ручки у нее и у ангела, который, кстати, похож на девушку, такие ручки, что хочется поцеловать, каждая тенька на своем месте и кажется, нельзя передвинуть ее ни влево, ни вправо, ни на волосок. Ножки у ангела босые, тоже — девичьи, самых совершенных форм, а Богоматерь в сапожках. Одежды, конечно, сделаны неповторяемо. Я. Ф. говорит, что в Италии находятся самые знаменитые картины Боттичелли, а у нас в России их почти нет, и эту за большие деньги купил его сиятельство граф Сергей Григорьевич⁸. Видя, как мне понравился этот Боттичелли, Я. Ф. шутил, что я ему тезка, тоже Александр, и зовет меня теперь Сандро. Хорошо, братенька, хоть именем быть похожим с великим живописцем.

У св. Иеронима прекрасное молитвенное лицо, но он мне понравился меньше, Петро Крестус Богоматерь хуже, а младенец какой-то неладный: похож на арапчонка, причем сама Богоматерь простоволосая, как девушка, живописец и хотел приударить на девичество богоматери; руки же у нее непомерно малы противу лица.

Рембрандт нам очень понравился: св. пророк Иеремия сидит задумавшись и так он ловко освещен, что сразу видишь то, что хотел тебе показать великий мастер: 1) голову, 2) руку и 3) пророческую думу. Ну, всего не перескажешь, так все дивно. Хотел еще написать про ваятеля Донателло, работа которого мужская голова находится здесь. Лепка всего по шею, странные очертания, не подобные прочим людям и строением глаз своих и выразительностью привлекает к себе: все хочется на него глядеть больше и больше. Я. Ф. думает, что это величайшее мировое ваяние Донателло.

Вся картинная зала разделана в ампирном стиле архитектором Ворониным, нашим земляком (из Усолья).

Любезный братенька, если пожелаешь и тебе не скучно будет, то опишу тебе потом если не все (места не хватит), то хотя часть диковинок, которые наши господа здесь накупили на большие деньги. И выпало мне на счастье не одним, а целыми

двумя глазами поглядеть на то, что другие век свой не глянут. А поглядишь и, смотришь, научился, чувствуешь прилив сил к работе. Благодарение создателю, что привел меня к живописному делу...»

Из последующих писем приводим только выдержки, которые дают представление о работах, выполняемых Кривошековым на Урале, о его настроении, а также о сложной духовной жизни талантливого крепостного. В последних из найденных в фондах Коми-Пермяцкого музея письмах все явственней звучат ноты горечи, усталости от постоянной борьбы за жизнь, едва прикрываемые иронией.

«13 марта 1842 г. С. Петербург

школа земледелия и горнозаводских наук

...хотел бы я презентовать тебе, да не знаю, может быть, еще и рано, но я постараюсь вскоре за этим угодить тебе. А о себе скажу, что я здоров, слава богу, занимаюсь масляными красками, пишу, т. е. малярую портреты...»

«7 апреля 1843 г. С. Петербург

...Мои делишки как дела обыкновенно идут. Я здоров, слава богу, и весел, люблю до крайности мое занятие и терплю все крайности, через него идущие, и не предаюсь восторгам, из него изсякающим...»

«ноябрь 1845 г. Очер

...Я работу для иконостаса со своей половины почти окончил, осталось в алтаре и хоругви...»

«1 января 1846 г. Очер

...Я думаю, ты меня ожидал в святкам в Кудымкар, но обстоятельства не позволили удовлетворить и твое, и собственное мое желание: некоторым образом неконченная еще работа в Очере, а больше всего удержала работа в г. Оханске, которая предстояла мне, но не была разрешена начальниками по причине запрещения писать портреты; таким образом я остался в Очере, но впрочем, надеюсь скоро навестить Иньву...»

«7 июня 1847 г. Билимбай

...Я, слава богу, здоров, но не весел, потому что в Билимбае для меня кажется скучно и сам не знаю отчего, может быть, привыкну еще к здешнему месту.

...Ездил в Екатеринбург, но там погода мне помешала, прожил дня четыре, а ничего рассмотреть не мог, таким образом, по этой поездке никаких впечатлений не произошло. Ездили также в Невьянский завод, рассматривая его с художественной стороны, мы кроме старообрядчества также почти ничего не

видели, большею частью. В обитателях сего завода видна патриархальность, которую я, впрочем, иногда уважаю, но не невьянскую только, там тоже иногда заглядывает просвещение, и это редко, и потому некоторым образом она, может быть, занимательна, но только при веселом расположении духа, а так как я теперь в самом дурном, то и прошу не отягощать оным меня. Ныне собираемся ехать в Тагил, но не знаю, как погода позволит. Занятия наши только еще начинаются, все дни, которые мы прожили, проводились в отдыхе и теперь, как отдохнули, хочется приняться за дело покрепче, чтобы вознаградить потерянное время...»

Последнее из сохранившихся писем написано 8 октября 1848 г. в Билимбае, где А. К. Кривошеков расписывал церковь. Он сообщает брату, что начал подумывать о женитьбе. Но вся интонация, общая эмоциональная атмосфера письма свидетельствуют о том, что художник устал от одиночества, неустроенности жизни.

Найденные в Коми-Пермяцком окружном краеведческом музее письма, таким образом, являются одним из немногих дошедших до наших дней документов, раскрывающих типичную судьбу крепостного уральского художника.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «В пособию князю по общему правлению графиня пригласила госп. действ. советника Александра Петровича Куницына, который заведовал делами по Пермскому нераздельному имению, по временам и в случаях чрезвычайных будет выезжать в Пермь, для обозрения и подробной ревизии всех частей правления» (Государственный архив Горьковской области, ф. 762, оп. 1, д. 1331, л. 38).

² По рассказам краеведов, в с. Ильинском находился архив Главного правления Пермского нераздельного имения Строгановых, в котором якобы находились и письма А. С. Пушкина к А. П. Куницыну.

³ Цит. по: Молева Н., Белютин Э. Русская художественная школа первой половины XIX века. М., 1963, гл. 8.

⁴ Коля — младший брат В. К. и Я. К. Кривошековых.

⁵ Вероятно, один из служащих Строгановых.

⁶ Искаженное немецкое слово «завтрак».

⁷ «Бесспорно, лучшая из частных галерей в России и одна из лучших в Европе Строгановская картинная галерея обязана основанием А. С. Строганову» (Андреев А. Картины галереи Европы: Картинная галерея гр. С. Г. Строганова». СПб., 1863, т. 2, с. 245). Александр Сергеевич Строганов (1733—1811) — граф, сенатор, президент Академии художеств, директор Публичной библиотеки.

⁸ Сергей Григорьевич Строганов (1794—1882) — граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, член Государственного совета. В 1835—1847 гг. — попечитель Московского учебного округа. Женившись на Наталье Павловне Строгановой, унаследовал майорат в Пермской губернии. В 1911 г. собрание картинной галереи Строгановых по завещанию П. С. Строганова поступило в Эрмитаж.